

18+

НИКТО

ДЕНИС
ВЕПС

Денис Вепс
Никто. Повесть

«Издательские решения»

Вепс Д.

Никто. Повесть / Д. Вепс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853126-2

Человек, порабощённый серым тленом рутины и оболваненный бюрократической машиной, способен разорвать бумажные узы и быть счастливым. Человек обязан быть счастливым, даже если против этого стоит весь свет. Но прежде, он должен исцелиться от пустоты в своём сердце и своей жизни, и лекарством ему может служить лишь быстрая смерть или продолжительная любовь.

ISBN 978-5-44-853126-2

© Вепс Д.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Серый человек	8
Хижина из песка	12
Случайные случайности	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Никто Повесть

Денис Вепс

Редактор Эдда Фэй

© Денис Вепс, 2021

ISBN 978-5-4485-3126-2

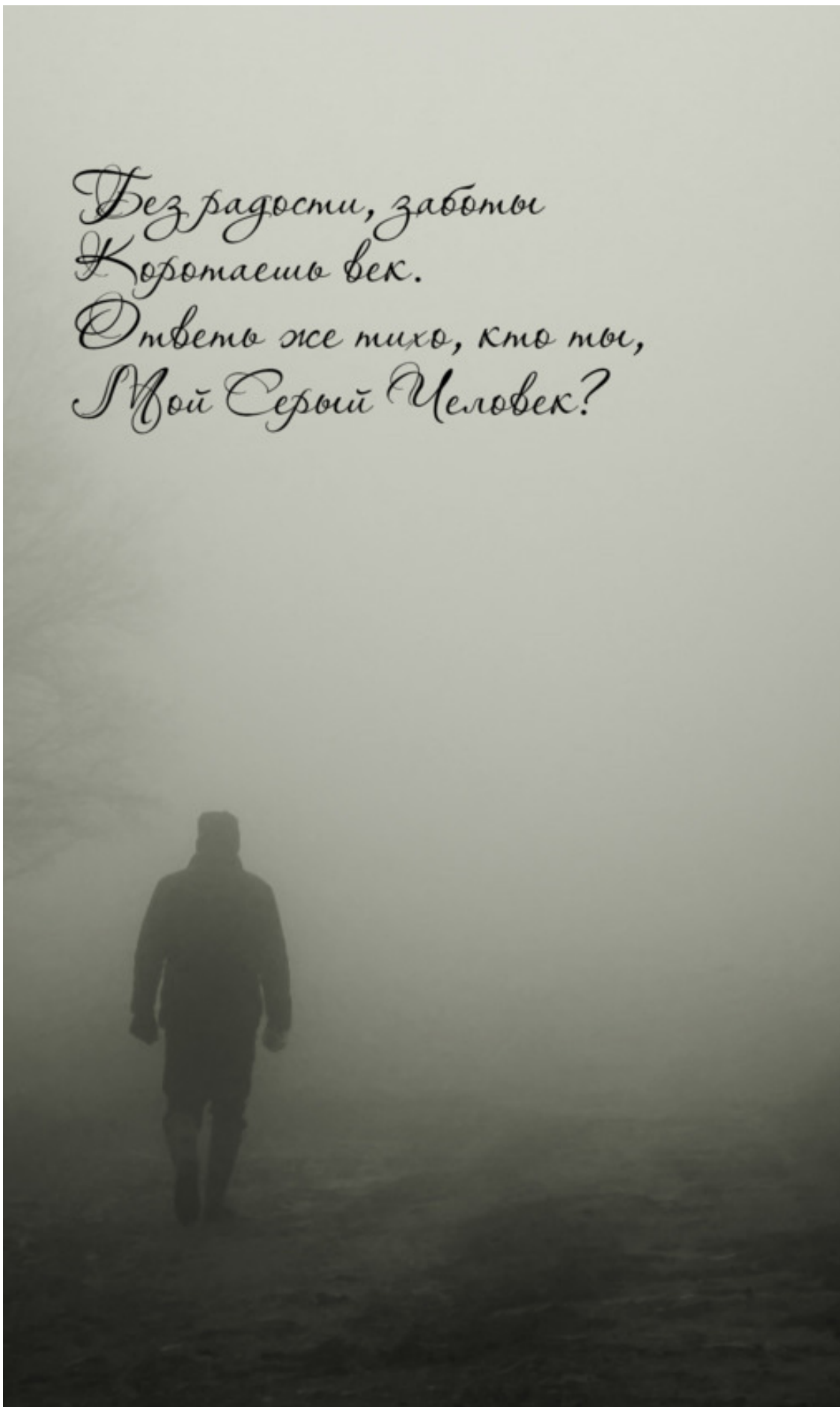
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Мало кто читает эти послания. Я и сам порой грешу этим, но всё же: я благодарен всем, кто в меня поверил.

И, конечно же, низкий поклон в сторону моей Сказочницы. Спасибо, что ты у меня есть. На этом всё, не буду вас утомлять длинным вступлением. Пора начинать историю.

Без радости, заботы
Коротается век.
Ответа же тихо, кто ты,
Мой Серый Человек?

Серый человек

История эта началась... Впрочем, не так уж и важно, когда берёт начало история человека более чем обычного и среднего во всём. Об этом знает только он да, может, ещё и сам Бог. Хотя и тот вряд ли припомнит, как получилось самое непримечательное создание его.

Итак, начнём мы с самого обычного понедельника, отличавшегося от остальных лишь тем, что на этот раз всегда хмурое петербургское небо прояснилось, явив на лазурном покрывале небосклона жёлтое блюдо уже не гревшего небесного светила. Впрочем, редкое для Петербурга явление осталось совсем незамеченным для тех, кто находился по ту сторону плотно закрытых жалюзи офисного помещения, что уютилось в углу коробки из стекла и бетона, выстроенной в соответствии с последними веяниями архитектуры и совершенно не вписывавшейся в дивный ансамбль старинной части города.

Помещение с серыми, словно плесень, стенами, было разделено невысокими перегородками из серого же пластика, где за серыми столами сидели люди в серых костюмах. Из-за перегородок то и дело доносились трели телефонных звонков, приглушённые тонкой пластмассой разговоры и щёлканье клавиш. Стрелки на больших часах, видимых из любого угла, медленно ползли к полудню, ознаменовывая скорое наступление долгожданного обеда.

В одном из серых загонов, почти в самой середине помещения, и сидел тот самый неприметный мужчина, имени которого не знал никто из коллег. Впрочем, ни сослуживцы, ни сам начальник, даже не пытавшийся запомнить неброской фамилии одного из своих не самых видных подчинённых, не особенно страдали из-за этого.

Ровно в полдень, когда все стрелки на большом циферблате настенных часов сошлись на отметке «12», клерки встали из-за своих столов и потянулись к выходу. Все, кроме мужчины, сидевшего прямо в середине помещения. Проследив за тем, как большие стеклянные двери закрываются за последним служащим, мужчина опустил взгляд в экран. С наслаждением свернув окно с отчётной формой, он открыл браузер и навёл курсор на поле поиска. Несколько секунд мужчина провёл в неподвижности, а затем вывел в строке два слова – «методы самоубийства».

В обновившемся окне машина услужливо выложила подходящие по тематике заголовки статей, большинство из которых вели на сайты православных церквей, либо же на форумы по психологии, наставления которых были пресны, бесцветны и абсолютно бесполезны. Наконец один текст заинтересовал Клерка и тот перешёл по ссылке.

Автор, явно подошедший к своему делу с энтузиазмом, во всех подробностях описывал каждый из методов суицида (а всего им лично предлагалось тридцать видов), с какой-то особенно нездоровой сатирой разъяря все болезненные процессы, протекающие в организме, пока тот подвергался тому или иному способу умерщвления.

Раз за разом перечитывая короткие абзацы, словно бы листая особое кровавое меню, Клерк примерял на себя каждое натуралистическое описание последствий того или иного выбора. И всякий раз столь подробный и разнообразный перечень вызывал лишь больше отторжения, действуя куда лучше заунывных печатных проповедей священников.

Клерк щелчком закрыл окно браузера. Перед ним тут же услужливо выскочил лист отчёта аналитики использования канцелярских товаров – одна из наиболее значимых работ, среди прочих немаловажных документов, бессчётное количество коих он составлял ежедневно. Тем более, что данный отчёт был необычайно необходим, так как представлял статистику не только за прошедший месяц, и даже не за минувший квартал – сегодня Клерку предстояло заполнить отчёт за полгода, что, несомненно, было очень важной информацией для финансовой дирекции и не допускало хоть какой-либо, даже самой пустяковой, неточности. Бросив беглый

взгляд на часы и подумав, что вновь должен посвятить обеденное время работе, которую нужно непременно сдать сегодня же, он принялся стучать по клавишам.

За работой Клерк не заметил, как прошёл час. Он услышал привычные трели телефонных вызовов и негромкие разговоры коллег, лишь сверив значения промежуточных итогов с окончательным результатом. Мужчина устало откинулся на спинку неудобного кресла, словно специально созданного, чтобы мучить людей, и нывшая от боли спина с благодарностью приняла разрешение на отдых. Но стоило только Клерку расслабиться, устроившись, насколько это было возможно, удобно, как прямо над его ухом прозвучал неприятный резковатый голос, похожий на визг неисправных тормозов:

– Прохлаждаешься?

Мужчина, словно мальчишка, пойманный за чем-то неприличным, подскочил на месте и впился взглядом в начальника, но уже спустя пару мгновений виновато потупил взор.

– И за что тебе только платят? – не унимался юнец, радуясь возможности вытереть о кого-то ноги.

Клерк, не в силах подать голоса, лишь неопределённо указал в сторону монитора. Юноша, проследив за его жестом, криво ухмыльнулся и снисходительно проскрипел:

– И когда же будет готов отчёт? Чего молчишь? Как там тебя, чёрт побери?

Мужчина хотел было ответить, но ком в пересохшем горле не давал вытолкнуть из уст ни одного слова, а начальник лишь недовольно отмахнулся, выпалив:

– Впрочем, не важно! Давай, высылай мне. Сколько уже можно сидеть над элементарной работой?

Потеряв интерес к жертве, юнец развернулся и, расплывшись в самодовольной ухмылке, направился в свой кабинет. Клерк же, полностью обескураженный и разбитый, долго смотрел в спину обидчика. Затем, словно опомнившись от дурного сна, мужчина повернулся к монитору и переслал документ с отчётом.

Клерк застыл в ожидании. По опыту многолетней работы в компании он знал, что в ответ на его письмо не последует ничего хорошего и самым лучшим исходом будет лишь безразличное молчание телефона. Но фортуна сегодня не была столь благосклонна к Клерку. Мужчина отсчитал без малого пятнадцать минут, прежде чем повисшую в его ушах напряжённую тишину разорвал громогласный звонок. Клерк дрожащей рукой схватил трубку и поднёс динамик к уху.

– Что так долго? Опять где-то прохлаждаешься? – раздался чуть запыхавшийся, будто после продолжительной пробежки, визгливый голос, тут же гавкнувший, – Живо ко мне!

Едва только последний звук человеческого лая ударил в уши Клерка, как из динамика донёлся грохот, сменившийся гудками. Мужчина нашёл в себе силы лишь на то, чтобы оторвать пластик от пунцового уха. Клерк, совершенно не давая себе отчёта, положил трубку рядом с телефоном. Лишь оглядевшись вокруг, он осознал, что на него устремлено несколько десятков пар глаз, с ехидным сочувствием взирающих на Клерка поверх серых перегородок. В помещении повисла нестерпимая тишина.

Клерк нехотя сделал первый шаг по направлению к ненавистой двери. Скрип его подошв был единственным звуком, разрушающим наступившую тишину. Он звучал совершенно неестественно в этом мире серых молчаливых фигур. Добравшись до предела, он нерешительным жестом поднял руку, чтобы едва слышно постучаться, но костяшки его пальцев коснулись лишь пустоты, не успев за отворившейся дверью. На пороге перед Клерком возникла девушка, спешно управлявшая свою до неприличия короткую юбку. То была двадцатитрёхлетняя выпускница престижного университета с ничего не значащей специальностью, но довольно успешным бюстом, коим она без малейшего зазрения совести и пробивала себе дорогу вначале к диплому с красной, как лицо её родителей, корочкой, а затем и к должности с повышенным окладом и дополнительной компенсацией за сверхурочную работу на дому у своего

начальника. Бросив на Клерка мимолётный, полный презрения взгляд, она направилась к своему рабочему месту, цокая непомерно высокими каблуками вызывающе-красных туфель.

Переступив черту порога из стилизованных под красное дерево спрессованных опилок, Клерк оказался в совершенно другом мире строгих, но всё же, куда более разнообразных оттенков. За столом – превосходной подделкой под последнюю мысль итальянских мебельных фабрик, сидел юноша, неспешно застёгивавший пояс на брюках. Клерк впился глазами в висящего над головой юнца Дали, которого тот именовал не иначе, как «та картинка с часиками». В очередной раз отметив превосходное качество копии, Клерк старательно всматривался в правый нижний угол полотна, силясь рассмотреть оттиск автора. Вот уже на протяжении нескольких лет каждое такое посещение мужчина скрашивал этими короткими попытками узнать имя художника, столь мастерски передавшего мысль гения. Но, как и прежде, попытки были тщетными – зрение Клерка слишком ослабло и с годами, проведёнными перед яркой лампой монитора, становилось лишь хуже.

– А! Явился! – словно только теперь заметив его, взвизгнул юнец.

Мужчина в ответ лишь потупил взор, с трудом оторвав его от копии и устремив за правое плечо начальника, сверля взглядом стекло небольшого трюмо с напитками. Представшая в бледном отражении картина заставила Клерка тут же опустить взгляд ещё ниже – по стеклу скользили отражения мужчин и женщин, сцепившихся друг в друга с такой яростью, словно они желали не насладиться, а убить друг друга.

– Молчишь? – не отрывая возбуждённого взгляда от монитора, скорее утвердительно произнёс, нежели спросил юноша.

– Правильно молчишь. Чего тебе ответить в своё оправдание? Совершенно нечего, – менторским тоном заключил начальник, нехотя отвлекаясь от просмотра захватывающей сцены. – Насколько я понял по бездарно составленному тобой отчёту, уйму времени ты уклоняешься от работы. Я не собираюсь за это платить.

– В общем... – протянул начальник, силясь вспомнить, к чему он пытался подвести неукротимый поток бессмысленных и откровенно лживых фраз. – В общем, скоро грядёт сокращение, так что я хочу, чтобы ты знал, что твоя кандидатура стоит первой в списке на вылет. Так что советую задуматься над поиском новой работы.

Небрежно отмахнувшись от Клерка, словно от назойливой мухи, юнец продолжил просмотр видеозаписи.

Мужчина, поспешивший убраться подальше от эмоционального садиста, постарался максимально тихо прикрыть за собой спасительный барьер двери. Оказавшись вне досягаемости юного изверга, Клерк вздохнул чуть свободнее. Предмет состоявшегося разговора не был для него в новинку, более того, подобные речи он безмолвно выслушивал по несколько раз на дню. И всё же каждый раз, стоило только начальнику оказаться в поле его зрения, как мужчина испытывал невыносимый, совершенно бессознательный и лишённый какой-либо логики ужас.

Клерк быстро, насколько только мог, прошёл мимо рядов одинаковых до безобразия столов. Он не поднимал взгляда. Ни к чему было смотреть в глаза сослуживцев. Клерк и так прекрасно знал, что он увидит там: в чёрных омутах отражения сгнивших душ и истлевшего сознания было лишь злорадство или, в лучшем случае, пустота и безразличие. Он просто шёл мимо на негнущихся ногах, сгорая от стыда. Мужчина с радостью опустился в скрипучее кресло. Спрятавшись в пластиковую скорлупу своего рабочего места, он почувствовал себя намного легче. Клерк, всё ещё не в силах окончательно подавить в себе чувство стыда перед глупым страхом, схватился за мышь и уставился отсутствующим взглядом в очередную таблицу с графами пятидесяти оттенков серого.

*Не стройте хижины из фальши,
Не возводите лжи дворцы -
Не будет счастья здесь и дальше,
Коль рядом с вами подлецы.*

Хижина из песка

Мерный стук металлических колёс не успокаивал, а скорее нагонял тоску. Клерк, пристроившийся на одном из сидений, расположенных в дальнем углу вагона трамвая, то и дело клевал носом. Мужчина время от времени отпуская уголок развёрнутой газеты и, поднеся кулак ко рту, широко и с наслаждением зевал. Он старательно гнал от себя сон, потирая глаза и мочки ушей. Совсем уж скучное третьесортное чтиво, которое стопками складывали у входа в метро, не спасало невольного читателя. Статьи мужчина проглатывал сразу целиком, тут же выкидывая их из головы. Столкновения, перераставшие в кровавую резню, свержение правительств в странах, о которых Клерк слышал разве что только на уже забытых уроках географии, катастрофы, уносящие за собой сотни жизней и ещё больше судеб сломавшие, не особенно будоражили воображение. Мужчина одинаково безразлично пробежал глазами как по отрывкам, повествующим о зверствах кровожадных тиранов, так и по статьям о том, кто из богемы в каком наряде показался на очередном званом ужине.

Внезапно зрачки мужчины расширились от волнения. Клерк впился взглядом в большую фотографию. На первом же развороте красовалось изображение полотна, на сером холсте которого были небрежно намалёваны два квадрата: жёлтый и наполозавший на него верхним правым углом синий. Заголовок над фотографией кричал о продаже картины на одной из выставок Англии, отдельно подчёркивая баснословную стоимость полотна. Клерк, будто бы не веря своим глазам, торопливым, запинаящимся от спешки взглядом пробежался по рядам букв. Прочитав короткое предисловие статьи, он замер. Не дыша, не двигаясь, застыв восковой куклой, он остекленевшим взглядом смотрел на фотографию полотна.

Внезапно бледно-серое лицо, привыкшее лишь к лучам лампового света, стало наливать пунцовым. Клерк, сотрясаемый крупной дрожью, вцепился в тонкий лист газеты. Не в силах сдержать выплёскивающуюся через край ярость, он выпустил давно забытое чувство. Клерк рванул лист в стороны, заглушая треском бумаги мерную дробь стальных колёс. Затем, сложив получившиеся лоскуты вдвое, вновь дёрнул их за края в разные стороны. Потом ещё раз. Снова и снова. Клерк целиком поддался бурлящему в груди потоку негодования, накрывшего его с головой.

Он очнулся от собственного вопля. Неестественный, совершенно не свойственный человеку крик отчаяния холодной отрезвляющей сталью резанул Клерка по ушам. Мужчина обнаружил себя стоящим в проходе на небольшом ковре из бумажного конфетти. Пассажиры – все, как один – неотрывно смотрели на него. В их глазах он увидел лишь страх и злорадство. Страх за собственную безопасность и радость за то, что кому-то хуже, чем им. Клерк, не в силах выдержать пристального внимания озлобленных, лишённых и тени жалости взглядов, бросился к створкам двери. Он выскочил в город, ещё не успевший погрузиться в полумрак вечера. Клерк, не разбирая дороги, бросился прочь от проклятого вагона. Из окон за ним продолжали следить, но стоило только ему исчезнуть из виду, как люди тут же позабыли о сумасшедшем и его приступе. Лишь кучка разноцветных обрывков бумаги служила слабым напоминанием его существования.

Он пришёл домой, когда уличные фонари уже всю горели, пытаясь разогнать тьму над узкими тротуарами погрузившихся в сон улиц. Клерк устало шагнул через порог и, небрежно скинув ботинки, направился напрямик на кухню. Не включая свет, мужчина подошёл к мойке

и, крутанув вентиль, припал к струе. Он жадно лакал, словно добравшийся до водопоя зверь, не обращая внимания на холод, от которого сводило зубы.

Клерк не услышал из-за шума воды её шагов. Он лишь коротко вздрогнул, испугавшись неожиданному появлению девушки у него за спиной.

– Почему так долго? – заглушая журчание, прозвучал от дверного проёма раздражённый голос.

– Дома совсем есть нечего.

Последняя фраза была брошена ею с такой злобой и укором, что Клерк и вправду на несколько секунд почувствовал себя виноватым. Мужчина закрыл кран. В наступившей тишине он различил спокойное дыхание и доносящийся из дальней комнаты шум включённого телевизора. Он застыл не в силах, просто не желая оборачиваться и смотреть на неё. Девушка, постояв ещё пару секунд в проёме, громко фыркнула, вложив в этот и без того небрежный жест всё накопившееся в ней презрение, и удалилась.

Клерк, дождавшись, когда звуки шагов дочери стихнут, бросил пиджак на стул и закатал рукава рубахи.

Они ели молча. Клерк, поспешно проглотив ужин, с нетерпением смотрел на сидящих за столом детей. Они ели неспеша. Девушка, изредка отвлекаясь от монитора дорогого телефона, нехотя копалась, выуживая только лакомые кусочки. Мальчишка же и вовсе не смотрел в стоящую чуть сбоку тарелку, а лишь время от времени погружал в еду ложку и отправлял в рот, не глядя. Всё внимание его было направлено на раскрытые страницы, на которых, во множестве прямоугольных окон, пускали друг другу кровь нарисованные люди, выкрикивая время от времени нелюбезные фразы, всплывавшие в белых облачках.

– Что за отстой? – внезапно взорвалась девушка, оттолкнув от себя тарелку.

Блюдо, тихо прошуршав по скатерти, с тихим звоном ударилось о перечницу. Девушка, сверля неистовым взглядом отца, повисла над столом, швырнув телефон перед Клерком. Мужчина, опустив взгляд, увидел красующееся на мониторе блюдо, выглядевшее куда более аппетитно, чем их ужин.

– Почему мы должны питаться этой дрянью?

Девушка внезапно подскочила, опрокинув не успевший отпрыгнуть от неё стул, зло цапнула со стола телефон и, продолжая с ненавистью смотреть на Клерка, процедила сквозь стиснутые зубы:

– Не можешь обеспечить семью, ищи вторую работу... лузер.

Резко крутанувшись на месте, она хлестнула Клерка волосами по лицу и, бормоча проклятия, скрылась в дверном проёме. Мальчишка, не отрываясь от своего комикса, поднялся из-за стола и, не обращая внимания на отца, молча удалился.

Клерк сидел недвижно, опустив взгляд перед собой. В его груди не было обиды, не было злости. Ничего. Только пустота. Безразличие ко всему. Он поднялся, собрал со стола посуду и, сложив её в мойку, принялся оттирать с неё остатки пищи, пока та не успела засохнуть. Внезапная мысль согрела его холодное сердце предвкушением скорого удовольствия.

Поспешно закончив с посудой, Клерк быстрым шагом направился в спальню. С ходу рухнув на стул, он в нетерпении ткнул в расположенную на блоке кнопку и уставился в монитор, барабанив костяшками пальцев по столу. Тишина комнаты наполнилась тихим уютным жужжанием кулера. Монитор, проснувшись, приветливо моргнул и высветил заставку с бегающей полосой загрузки. Клерк ждал. Чем дольше крутилась полоска, тем нетерпеливее становилась барабанная дробь. Наконец слух мужчины залило звуком, отозвавшимся в груди приятным теплом. Клерк, порхая по клавишам, набрал пароль и не дав системе как следует загрузиться,

дважды щёлкнул по ярлыку, разворачивая браузер. Окно услужливо открылось на титульной странице социальной сети.

Несколько часов к ряду, совсем позабыв об усталости и неприятностях, Клерк перебрасывался короткими предложениями с людьми, которых никогда не видел и которым его судьба, по сути, была совершенно неинтересна. Это, однако, не мешало им считать и считаться друзьями Клерка, способными, впрочем, разве что на лживое притворство и неискреннее сочувствие. Но мужчине, давно уже утратившему способность общаться с людьми реальными, этого было более чем достаточно. Так, в пустых разговорах и за просмотром посредственных фотографий с нелепыми подписями, выполненными с претензией на юмор, время перевалило за полночь.

Сперва, сам не осознавая отчего, Клерк повернул голову в сторону зиявшего пустотой проёма. В тишине погружившейся в сон квартиры, раздались тихие щелчки открывающегося замка. Сердце Клерка тут же рухнуло в бездну. Он поспешно выключил компьютер и, с досадой хлопнув по столу, стал раздеваться, готовясь лечь в постель. Он слышал тихое шуршание одежды. Ночной гость неуклюже прокрался по коридору, опасаясь разбудить домочадцев, ещё даже не пытавшихся отойти ко сну.

В проёме появился силуэт женщины. Слабый свет фонаря, не без труда пробивавшийся сквозь плотную ткань штор, сглаживал очертания уже далеко не девичьей фигуры гостьи. Клерку даже на миг почудилось, будто перед ним предстало видение из прошлого, позабытого настолько, что оно казалось теперь не более чем просто сном, чьи картины смазаны резким пробуждением. Она на цыпочках, стараясь не шуметь, шагнула на мягкий ворс ковра и стала поспешно стягивать с себя одежду. Клерк замер. Он старался не дышать, надеясь, что женщина не заметит того, что он всё ещё не спит. Она осторожно заползла под одеяло. Обоняние Клерка обжёг аромат мыла и свежести, лишь слегка оттенённый запахом мужского одеколона.

Они лежали. Молча. Клерк слышал, что женщина не спит. Дыхание её было неровным, словно после длительного бега. Но он знал, что женщина не торопилась домой. Ею овладело волнение, перерастающее в страх. Он понимал, что притворяется недостаточно умело. Она знала, что запах другого мужчины, хоть и очень слабый, явно угадывается в общем аромате дешёвого мыла.

– Сумасшедший день... – решила заговорить первой женщина.

– Сперва клиенты... потом вспомнила, что у подруги день рождения.

Клерк лежал, продолжая старательно сопеть. Мужчина не хотел слушать очередных лживых оправданий. Ему было всё равно. Уже очень давно. Он мечтал лишь о том, чтобы поскорее погрузиться в сон и забыться до утра, а потом улизнуть на работу, пока никто не успел проснуться. Но больше всего Клерк боялся того, что обычно следовало за ночными визитами его жены. И это произошло. Она, словно уловив его мысль, потянулась к мужу. Он не сопротивлялся. Просто лежал, ожидая неминуемой участи. Она, освободив его от одежды, взобра-лась на всё ещё усердно сопящего мужчину и стала покрывать его вялыми поцелуями. Клерк буквально чувствовал поток пульсирующей озлобленности, чудно замешанный на угрызениях совести. Она стала устало, нехотя двигаться в траурном темпе, расщедрившись на крохи того, что ещё недавно дарила другому мужчине. Он открыл глаза и посмотрел на напряжённое, совершенно незнакомое лицо. Женщина натянула кукольную улыбку, продолжая устало двигаться, едва скрывая желание, чтобы это лицемерное действие поскорее закончилось.

Он остановил её стандартной фразой о том, что слишком устал. Женщина, изобразив недовольство, соскользнула с Клерка и почти сразу же заснула. Мужчина ещё долго лежал, наблюдая за тенью, порождаемой отсветом фар. Он старался думать о чём-то малозначительном, тщетно пытаясь утопить в ночном бреде мерзкий привкус засевшей в груди боли. Он снова был унижен и растоптан. Он снова, но теперь уже на толику сильнее, желал, чтобы эта попытка наконец прекратилась.

Настал его черёд красться по собственному дому. Клерк поспешно выскользнул из комнаты и спрятался в тесном помещении ванной. Он зло крутанул вентили. Клерк знал, что воде не смыть того отвратного ощущения, которое засело в его груди. Он знал, что вырвать это чувство с корнем можно лишь одним способом. Ему на глаза попала старая бритва, покоящаяся до срока на полке. Подарок отца – идеально отточенная хирургическая сталь. Клерк стянул бритву. Раскрыл её. Взглянул на полосу холодно сверкнувшей стали. Перевёл взгляд на зеркало. На него смотрел уже давно умерший человек.

Моя душа, не бойся быть смешной,
Ведь всё на свете может случиться,
И помни - пред безликою толпой
Всегда важнее быть, а не казаться.

Случайные случайности

Прошедший дождь наполнил утренний воздух прохладой и ароматом бензина. Падавшие всю ночь капли собрались на серой ленте асфальта в небольшие зеркала, накрытые радужной маслянистой плёнкой.

Клерк, улизнув из дома задолго до того, как крыш коснулись первые лучи солнца, неспеша брёл, огибая многочисленные лужи. Он старался держаться подальше от проезжей части, где время от времени проносились редкие автомобили, высекавшие колёсами миллионы искрящихся капель, шумящим роем набрасывавшихся на незадачливых прохожих. Старался мужчина обходить и самих прохожих, ускоряясь и обгоняя их, или же пробираясь по самому краю водного зеркала, прижимаясь к противоположной стороне дорожки. Он не хотел идти с кем-то рядом и не желал, чтобы кто-то брёл за ним по пятам. Клерк не любил людей. В принципе. Уставшие, сонные, злые, они раздражали его, словно бы только эти хмурые незнакомцы и были повинны во всех его бедах. Потому-то Клерк и предпочитал одиночество, а окружающие его люди не особенно стремились нарушать уединения серого человека.

Мужчина проскочил уже было мимо мамыши, упрямо тянувшей своё чадо, когда поймал взгляд маленьких карих глаз. Клерка заинтересовало, на что же мальчик так пристально смотрит, сильно выворачивая шею. Он проследил за его взглядом... и замер. Обыкновенный куст был усыпан искрящимися ярко-алыми рубинами. Лучи солнца, только поднявшего макушку над крышами домов, переливались в крупных каплях, превращая обычную воду в россыпи драгоценных камней. Клерк почувствовал пристальный взгляд. Он обернулся. Нехотя. С явным неудовольствием оттого, что ему приходится отрываться от созерцания такого чуда, что открывается миру всего на миг. На мужчину смотрели полные восторга детские глаза. Глаза, ещё не замутнённые серым ежедневным бытом. Глаза ребёнка, ещё истинно верящего в чудеса этого мира. Эти глаза видели. Видели, что и человек, затянутый с ног до головы в серое, тоже смог разглядеть это чудо. Видели, что он тоже был ребёнком. На миг.

Клерк поймал другой взгляд. Тяжёлый, подозрительный взор мамыши буравил его, грозя просверлить насквозь. Он почувствовал, что улыбается. Улыбается совершенно глупо и наивно. Клерк наткнулся на этот полный недовольства взгляд и всё пропало. Чудесное видение, мимолётное блаженство, вера в чудо – всё сгнуло под натиском грозного взора мамыши, заподозрившей в простодушной улыбке незнакомца намёк на болезнь или угрозу её чаду. Женщина с силой дёрнула мальчика за руку так, что, казалось, та сейчас же оторвётся, и заспешила дальше – прочь от странного прохожего.

Серый человек ещё с мгновение стоял, глядя вслед захныкавшему мальчишке. В его груди засела ноющая пустота, поселившаяся на том месте, где только что была мечта. Чувствуя себя отвратно, Клерк уставился в серую, как он сам, ленту тротуара и поспешно зашагал прочь, стараясь как можно скорее уйти от проклятого куста, что посмел выставить его таким дураком и испортить и без того нерадостное утро. И снова мимо проплывали тени незнакомцев, на которых он обращал внимания ровно столько, сколько было нужно, чтобы оставаться от них подальше.

Пёструю бело-красную ленту Клерк заметил уже тогда, когда она натянулась на его животе, с трудом сдерживая натиск человека, погрузившегося в свои тоскливые мысли. Мужчина остановился и непонимающе уставился на полосу, разительно выделяющуюся на серой шерсти его пиджака. Затем взглянул ниже: прямо у его ног начинался резкий обрыв. Раскопанная яма щерила пасть обломанными зубьями асфальта и негостеприимно топорщилась частоколом ржавых труб. Мужчина недоумённо осмотрел ров, протянувшийся от края дороги до самой стены дома. Осознав, что дальше пути нет, Клерк раздосадовано пнул носком начищенного до блеска ботинка подвернувшийся ком грязи и решительно направился в сторону

дороги. Мужчина не переносил, когда ежедневный уклад его жизни хоть сколь-либо менялся. Вместо того, чтобы возвращаться назад и огибать безликое строение со стороны двора, он пошёл по более короткому маршруту в желании как можно быстрее миновать неприятное место и вернуть стандартный ход событий, преследовавший его на протяжении вот уже десяти лет. Клерк довольно легко, даже с неким злорадством, перемахнул невысокую ограду и ступил на мокрый асфальт проезжей части. В ту же секунду его накрыл оглушительный металлический визг.

Стальной кузов опрокинул человека в лужу, собравшуюся у бордюра. Он замер, так и не успев осознать, когда оказался на лопатках. Ещё не до конца поняв, что же произошло, Клерк лежал, вперив взгляд в свинцовый край уползавших на запад туч. Он не чувствовал боли, хотя, как он думал, она должна была быть нестерпимой. На мгновение всё внутри Клерка сжалось – в его голове совершенно отчётливо укоренилась мысль, что он потерял всякую чувствительность, что его парализовало. Мысль эта заставила мужчину тут же горько пожалеть о том, что столкновение не закончилось той желанной смертью, о которой он столько думал на протяжении последних недель. Клерк, наблюдая за небосклоном, разделённым на две половины: тяжёлую фиолетовую и безупречно лазурную, представил, как он медленно умирает прикованный к больничной койке, всеми брошенный и забытый. На глаза мужчины тут же навернулись слёзы жалости к самому себе.

Солёные капли высохли сразу же, только Клерк понял, что начинает зябнуть. Шерстяная ткань, напитавшись пахнувшей выхлопами влагой, мерзко липла к спине мужчины. Это было, наверное, самое приятное чувство, какое тот испытывал когда-либо в жизни. Клерк поочередно пошевелил пальцами рук и ног. Пересохшие от волнения губы мужчины растянулись в глупой улыбке. Он не сразу обратил внимание на приближающуюся дробь каблучков, а заметил её лишь тогда, когда до слуха его донеслась неразборчивая вязь незнакомых слов. Над Клерком склонилась женщина. Водопад пшеничных волос упал на его грудь, окрасив фиолетовую часть неба сиянием золота, переливающегося в утреннем свете. Безупречно-голубые глаза смотрели взволнованно, непрестанно то скользя по телу мужчины, то надолго замирая, ловя его взгляд. Чуть пухлые губы, дерзко окрашенные красным, постоянно подрагивали, из них долетали незнакомые слова и звуки чужой речи. Хрупкая ладонь легла на грудь мужчины и в тот же миг приятное тепло разлилось по всему телу. Клерк понял, что совершенно нелепая улыбка его стала ещё шире, но не придал никакого значения тому, как сейчас выглядит. Он любовался нависшей над ним красавицей, наслаждался теплом рук незнакомки, с трепетом вдыхал аромат её духов. Он радовался тому, что остался жив.

Она говорила быстро, взволнованно, явно глотая слова и подступавшие слёзы. Постепенно приходящий в себя Клерк не мог разобрать даже языка, на котором она без умолку говорила. Он, не переставая жизнерадостно улыбаться, переполненный внезапно охватившим его счастьем и любовью к этому серому тусклому миру, приподнялся на локтях, желая показать женщине, что ей не о чём волноваться. Незнакомка, приняв его попытку за предсмертную судорогу, тихо взвизгнула и было отпрянула, но тут же подалась вперёд и помогла мужчине подняться. Клерк уже забыл и про падение, и про возможные ссадины и ушибы, даже испорченный костюм не интересовал его совершенно. Он с трепетом в сердце легко, словно бабочку, сжимал в руке изящную ладонь незнакомки, не желая её отпускать. Женщина заметила это. На её губах появилась неуверенная улыбка. Она поймала взгляд Клерка. Взгляд не битого жизнью серого мужчины, но чистого ребёнка, увидевшего нечто сказочное и необычайное. Незнакомка тут же потупила взор и смущённо зарделась.

– Простите, мисс, – испытывая восторг пополам с неуверенностью, вымучил из себя Клерк.

Он почему-то ясно знал, что перед ним мисс – не громкая, обширная во всех понятиях мэм, не измученная тремя-четырьмя детьми и мужем-банкиром миссис и даже не заезжая краснощёкая фройлян. Клерк почувствовал в чужестранке тонкую, творческую мисс.

– Нет, что вы! Это моя вина! Я во всём виновата! – несколько поспешно произнесла незнакомка, уже с едва различимым акцентом.

Девушка, поднявшая было на Клерка взгляд, вновь потупила его, не в силах выдержать ясно читавшегося восхищения. Он, почувствовав смущение незнакомки, нехотя, с тяжёлым сердцем отпустил её руку. В тот же самый миг нить, соединявшая душу Клерка с воплотившимся наяву миром грёз, лопнула, и он с непостижимой скоростью стал оборачиваться серым человеком. Мир рухнул. Но, почти коснувшись края бездны, сердце мужчины вновь воспарило к облакам, едва он заметил, с каким неудовольствием незнакомка рассталась с его ладонью.

– Вы... не ушиблись? – вновь решившись поднять взгляд, робко произнесла чужестранка и тут же, опомнившись, невольно воскликнула, – Да что же я?! Дура! Вы ранены? Пойдёмте скорее – я отвезу вас в госпиталь!

Он ответил не сразу. Медлил. Не из-за неуверенности в своих травмах, а потому что попросту любовался незнакомкой. В её движениях и речи было столько жизни, что с головой хватило бы на них обоих. Кроме того, он наконец-то понял, откуда она прибыла. Едва уловимый акцент был до безумия сексуален, пробуждая в Клерке свойственный мужской натуре трепет, а от пшеничных локонов девушки тянуло ароматом утреннего кофе, круассанов и свежестью Елисейских полей. Он улыбнулся.

– Прошу вас, не стоит беспокоиться. Со мной всё в порядке.

Она с подозрением посмотрела на Клерка. Мужчина только теперь внезапно осознал, что должно быть имеет вид весьма потрёпанный и жалкий. Он смущённо улыбнулся, ощутив стеснение за свой наряд, истово проклиная себя за свою бедность и глупость.

– Отвезти вас? Домой? – почувствовав смущение мужчины, выпалила француженка.

Не дожидаясь ответа, девушка взяла Клерка под руку, совершенно не беспокоясь за своё лёгкое фиалковое платьице, и решительно повела его к автомобилю. Брошенный на дороге с сиротливо открытой дверью «Жук» с нетерпением ждал хозяйку, подозрительно косясь своими огромными фарами на грязного незнакомца. Чужестранка открыла дверь со стороны пассажира и едва ли не силой затолкала Клерка внутрь. Она легонько захлопнула дверь и победоносно улыбнулась ему через стекло. Мужчине даже почудилось, что девушка едва сдерживается, чтобы не показать ему язык. Она прошлась вокруг автомобиля, кокетливо демонстрируя себя единственному зрителю. Девушка нежно коснулась капота. Поприветствовав «Жука», чужестранка вспорхнула на водительское кресло и, блаженно улыбаясь, слегка потянулась, устраиваясь поудобнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.